

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Филипп КРАМЕР,
Ольга СЕРЕБРЯКОВА

МИР ЧАШИ.
ДОЧЬ АЛХИМИКА

Роман

Москва, 2019
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К78

Серия основана в 2004 году
Выпуск 693

Художник
Л. Клепакова

Крамер Ф., Серебрякова О.
К78 Мир Чаши. Дочь алхимика: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 442 с.:
ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2859-5

Юная Жозефина после внезапной и страшной смерти родителей принимает обязанности главы рода. Вместе с гербовым перстнем рода де Крисси она получает отцовский перстень Первого алхимика Чаши. Облако тайн, окутывающее эти реликвии, смертельно опасно, и Жозефина вынуждена бежать из родного дома. С горсткой верных бойцов она проходит полстраны в поисках защиты и ответов на жизненно важные вопросы... а находит родичей, судьбу и предназначение.

Но где обрести силу, которая поможет вынести всю тяжесть обрушившегося на нее долга и исполнить предначертанное?.. Только в верности этому долгу. Только в верности тех, кто поклялся защищать и повиноваться. И в прикосновении к легенде.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2859-5

© Филипп Крамер, Ольга Серебрякова, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

...Рыцари Сердца не спорят с назначенной
долей.

Сергей Калугин. Рыцари Неба

ПРОЛОГ

— О великий, я пришел по твоему приказу!

Неясная тень клубилась в золотой полиграмме вызова, постоянно меняя облик, но не задерживаясь ни в одном. Тень походила то на мужчину, то на женщину, то на морское чудовище, а то и вовсе принимала совсем уж диковинные формы вроде клубка щупалец со множеством кровавых глаз.

— Попробовал бы ты не прийти, — недобро усмехнулся сидящий на высоком троне. — Я сомневаюсь, что ты желаешь провести еще сотню лет развоплощенным духом за неповиновение. Или хочешь испытать, каково это?

Очередная неведомая тварь, у которой сложно было разглядеть что-то кроме куцых кожистых крыльев, пошла жалобной рябью, не имея головы, чтобы отчаянно ею замотать. Теперь усмешка чуть смягчилась:

— Однако когда-то ты был одним из лучших, а мне сейчас нужен именно такой. Это будет твой самый опасный танец на остриях мечей, но и плату я даю достойную. В случае же провала... — Говоривший помедлил, глядя, как тень испуганно припадает к полу. — В случае провала ты вновь опустишься в бездну. И на сей раз — уже до тех пор, пока не истечет песок времен нашего мира.

Быстрое эхо слов еще не успело отзвучать, как тень согнулась в поклоне:

— Я готов, великий!

Названный великим помолчал, позволив себе краткое упование моментом. В конце концов, вызванное им существо не меньше него самого сознавало собственную важность. Вернее, важность собственного существования — не важно, в полном праве и силе или в глубокой темнице. Пожалуй, великий предпочел бы ввергнуть тень во тьму, но сейчас это был тот единст-

венный вассал, кто действительно мог исполнить столь важное поручение.

— Ты отправишься далеко вверх по Древу Миров, ты разыщешь пропажу и там ты найдешь того, кто сможет создать ключ. Ключ к невиданной силе и могуществу, погребенному за краем мира! Ты добудешь его и позовешь меня, когда придет время.

Тень подобострастно заклубилась:

— Я готов, о великий! Когда выступать?

Тот только ухмыльнулся:

— Не так быстро. Сначала поклянись.

— Клянусь! — мгновенно отозвался голос из полиграммы. Золотые линии вспыхнули пронзительно, режуще, заставив тень отшатнуться в глубь фигуры.

— Нет! — рыкнул венценосный. — Не так! Клянись, как клянутся князья нашего мира! Клянись своей кровью, клянись своей Силой! Клянись...

— Клянусь... — Тень справилась с испугом и зачастила: — Клянусь своим Домом, клянусь своим именем и своей кровью — я исполню твою волю, великий!

Легкий кивок, почти незаметный перебор пальцами по подлокотнику трона — и полиграмма вызова потускнела и рассыпалась прахом. Взмах рукой, словно бросок — возле провинившегося появилась золотая цепь с причудливыми ключами.

— Бери ключи от кладовой. — В голосе венценосного зазвучало веселье. — Бери Силу, бери образы, бери все, что тебе нужно, и собирайся в дорогу. Пора вернуть то, что было украдено, и заодно забрать все остальное!

Наконец остановившаяся на более-менее человеческой форме, тень неторопливо, церемонно подняла ключи и столь же размеренно спросила:

— О великий, что за награду ты считаешь достойной исполнения твоего приказа?

Широкий жест охватил всю залу и, казалось, весь мир вокруг нее:

— Все! Все, что возможно для твоего ранга.

— Даже... покой?

— Даже смерть!

Тень склонилась в низком поклоне, звякнув золотой цепью.

— Я отправляюсь немедленно, господин.

Часть первая НАСЛЕДНИЦА

— Мать Дáнали?..

Жрица, плотная зрелая женщина в сером одеянии с зелеными прошвами, открыла крепкую дверь, пропуская воспитанницу в келью. Мать с признательностью кивнула, и дверь закрылась, оставив их наедине.

— Жозефина. — Плавный, будто сделанный в толще воды жест обрамленной широким рукавом кисти, и девочка подошла ближе.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга — глубоко немолодая женщина и совсем еще юная девушка. Древо и росток, мудрость и свежесть. У одной были глаза цвета темного янтаря, у другой — родниково-серые, но у обеих — одинаково ясные и чистые. Одна излучала поразительное несуетное достоинство, вторая держалась с врожденным благородством. Мать окутывал ореол почти ощутимой Силы, мягкой и текучей, как мед, и Сила эта заставляла хамов умолкать, наглецов обращала в скромных, а жестоких и вовсе повергала в смятение. Ищущие утешения обретали его прикосновением к этой мощи, уставшие получали силы. Такой была Мать Данали Севора, матриарх храма Даны Дарительницы, и Жозефина искренне восхищалась ею.

— Тебе пришло письмо из дома. Управляющий извещает о том, что в поместье случился пожар и в огне, — взгляд темных ярких глаз стал тверже, не чтобы ранить, но чтобы поддержать, — погибла Лилия де Крисси, твоя матушка.

Внутреннее чутье эмпата подсказало девочке, что творится что-то неладное, еще когда за ней пришла Кампаня и повела лично к Матери. Произнесенные слова лишь придали тревожному предчувствию плоть и облик. Посему, приняв этот оглушающий удар, Жозефина только сжала зубы и на долгий миг

закрыла глаза. Подняв веки, она взглядом дала понять, что готова слушать дальше.

— Я понимаю, что тебе нужно непременно съездить домой, — продолжила Мать, — но я должна знать: вернешься ли ты, чтобы завершить обучение, или примешь дела семьи сразу. Ты готова решать сейчас?

Потоки ее Силы дотянулись до воспитанницы, обняли, как обнимают руки, отогревая и поддерживая. Многоопытная Мать знала: если она начнет утешать девочку, силы сдерживаться покинут ее. Жозефина кивнула — скользнули по плечам крупные кудри каштановых волос.

— Как старшая наследница рода, я обязана принять дела незамедлительно. — Все-таки девочка была отнюдь не из камня, и речь ее от душевного напряжения зазвучала излишне серьезно. — Мне жаль расставаться с храмом и с вами, Мать Данали, но я должна быть там.

Но и не из мокрого песка лепили Боги ее сердце, вовсе не из песка... Матриарх храма по достоинству оценила стойкость воспитанницы. Ее готовили стать Матерью рода пятнадцать лет, с самого рождения, как и полагается первенцу, — и она действительно была готова.

— Есть вещь, которую я должна тебе передать в таком случае. — Из-за стопки книг на столе Мать извлекла шкатулку — темное дерево, четкие углы, геометрическая резьба. От нее ощутимо тянуло магией. — Это было вручено твоим отцом вместе с полной платой за обучение и указанием передать это тебе, если случится что-то непредвиденное и ты покинешь храм раньше срока. — Поверх шкатулки лег конверт плотной желтой бумаги. — И вот письмо вашего управляющего, пришедшее сегодня утром.

Неловко прижав шкатулку локтем к животу, Жозефина вынула письмо из конверта и прочла каллиграфически-вычурно выписанные строки — будто забор из кованых прутьев, унизированных завитушками; внизу стоял малый оттиск — простая одноцветная чернильная печать, которую обычно использует управляющий семьи, пишущий по ее делам; по смыслу родственный хранимой им же связке ключей, знак доверия хозяев. Когда печать попыталась расплыться перед глазами, юная де Криси вскинула голову, вновь поймав взгляд Матери — тревожный, добрый и благословляющий.

— Десять лет ты провела с нами. — Матриарх храма поднялась, обойдя письменный стол, встала перед воспитанницей и, всегда воспринимавшаяся ею как высокая и величественная,

оказалась чуть-чуть ниже нее ростом, впрочем, не потеряв оттого ни капли величия ореола благодостной Силы. — Мы научили тебя всему, что должна знать молодая ноблэ и добродетельная девица вообще, и, я надеюсь, это было и будет для тебя полезно. — Она помолчала пару ударов сердца, вглядываясь в лицо девочки, запоминая и благословляя ее. — Можешь попрощаться с соученицами и наставниками — и любыми другими обитателями храма, с кем пожелаешь, — а потом не медли и спускайся ко входу, тебя будет ждать повозка. Вещи погрузят в нее.

Мать улыбнулась — и мягко, и горько, и удивительно светло. Поклонившись ей в знак искренней благодарности, Жозефина выпрямилась и, в последний раз соприкоснувшись с Матерью Данали взглядами — взаимное уважение, тепло и прощание, — вышла из кельи.

...Проводив взглядом проплывшую мимо створку ворот храмового подворья, она откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза. Разум отказывался осознавать, что мамы больше нет, а из-под век медленно вытекали соленые капли. Жозефина свернулась клубком, как раненый зверь, ее колотила дрожь — дрожь рвущейся границы между нежеланием и необходимостью осознать и принять нечто страшное, темным крылом перечеркивающее привычную, мирную жизнь.

Когда она отодвинула шторку с окна экипажа, внутрь проникли скудные лучи заходящего солнца. Они осветили личико, которое с легкостью можно было назвать миловидным, но никогда — красивым: черты его не складывались в ту завораживающую гармонию, что присуща настоящей телесной красоте. Крупные светло-каштановые кудри обрамляли изящный овал лица с высокими скулами — материнским наследием — и чуть вздернутым носом.

Девушка в последний раз судорожно вздохнула и, утерев лицо, села ровно. Выплаканная боль стала глуше, она перестала рвать сердце своими ядовитыми зубами и свернулась вокруг него давящим кольцом — но теперь от нее можно было отстраниться, давая отдых измученной душе. Вновь закрыв уже сухие глаза, Жозефина внутренним зрением вгляделась в нить времени, которая тянулась из монолита всепоглощающей и всепорождающей темноты к постоянно ускользающему моменту настоящего.

Там, далеко в сумерках, всегда окутывающих начало человеческой жизни в зеркале памяти уже повзрослевшей лично

сти, было детство в семье нобле из тех, у кого чести куда больше золота. Дом, купленный отцом, был не слишком большим, но достаточным и уютным для всех его обитателей; в своих стенах за узорчатым кованым забором он лелеял саму молодую пару, троих детей — Жозефину и ее младших брата и сестру, с десятков слуг и столько же лошадей. Матушка, Лилия, происходила из младшей ветви старинного рода нобле де Крисси; пожалуй, было благом, что она не принадлежала к старшей ветви, славившейся непомерной гордостью и лояльностью короне, ибо всю ее перебили заговорщики во время Смены Ферзей двадцать лет назад. Наследница младшей ветви, как и мужчины совсем уж дальнего ростка рода, этой участи избежали, и, оберегая их от преследований новой короны, острие крылатого копья на гербе прикрыл собой вставший на дыбы единорог. Серебро мощного древнего рода на небесной лазури осталось, как и богатая родословная, в которой славы, битв и подвигов было больше, чем кротости, смирения и подвижничества, которые, видимо, все сосредоточились в Лилии.

Отец же, Себастьян Штерн, не отличался подобной знатностью (вообще говоря, происхождение его было весьма туманно), зато обладал высокой государственной должностью, обеспечивавшей семейство золотом и, в свою очередь, обеспеченной его живым умом, настойчивостью и смелостью, помноженными на талант алхимика. Собственно, он и поднял алхимию на небывалую высоту, собрав разрозненные наработки хиленького отростка могучего древа магических знаний и создав из них нечто совершенно новое, объединившее магию и механику; именно он вывел и сформулировал законы алхимии и развил в полноценную науку, дав ей не только скелет системы, но и плоть и кровь методов, сведений, множества разработок и еще большего числа последователей. Штерн означало «алхимия», и «алхимия» означало Штерн.

Матушку Жозефина помнила и по детским годам, когда еще носилась по дому с младшими детьми, и по своим приездам домой, и по ее письмам, написанным быстро летящим, легко читающимся почерком, пачка которых теперь лежала в ее дорожной сумке; фигура отца же меркла в сумерках, оставив в памяти только проступающее из сгущающейся темноты лицо, запах, темный жилет с непонятными вышитыми знаками поверх белокипенной рубашки и руки с несколькими твердыми шрамами. Он погиб на работе, во время эксперимента в своей лаборатории, когда его старшей дочери было пять лет. Верхушку алхимической башни разнесло в куски, и от нескольких тел —

Первого алхимика и пары его помощников — не осталось даже пепла, который можно было бы похоронить.

Впрочем, отец успел оставить своим любимым некоторые средства на счету в банке, новый дом с впечатанной на уровне кладки стен защитой, доход с патентов его изобретений и, уже посмертно, немалую — особенно по меркам скромного рода де Крисси — пенсию; а еще — для самой Жози — полноценное обучение при храме Даны Дарительницы, доступное лишь нобле, неприлично богатым семьям либо же тем, кто решил целиком посвятить себя служению Плодородной и Милосердной. Девочка с успехом соответствовала первому условию и в качестве воспитанницы храма была принята безоговорочно, даже без учета несильного, но явственного Дара. Ее матушка Лилия, к слову, обладала Даром куда более сильным и — то, что явно передалось по наследству, — с явным уклоном к целительству. От природы чувствительная и ласковая, получив немаленький собственный дом, Лилия держала домашнюю лечебницу, пользуясь от болезней и травм всех, знатных и простолюдинов, богатых и бедных — она могла себе позволить содержание больных при полном согласии мужа. Жозефина всегда находила это дело очень достойным и собиралась продолжить его теперь, в память о матушке.

Детство домашнее сменилось детством храмовым и заполнилось множеством искусств, подлежащих изучению, — от этикета и пения до рукопашного боя и охоты; ее учили читать и писать, держать себя в обществе, управлять поместьем, владеть собой и своим телом, а также — что разумеется — пользоваться Даром. Правда, тут развитие девочки пошло несколько односторонне — целительской его стороной она владела прекрасно, мастерски используя доступную ей невеликую Силу, а что касается прочих чудес — что бытовых, что боевых, — знала она совсем немного: могла создать «светлячка» и огонек, достаточный разве что для поджигания бумаги или щепочек в камине, да еще умела выставить простейший Щит, способный на миг сдержать или отвести удар. Магии исцеления в храме Даны Помогающей учили охотно и по строгой системе с обширной практикой, иным же аспектам девочку обучали от случая к случаю только некоторые его обитатели — и то из симпатии к самой Жозефине, а не во исполнение наставнических обязанностей.

Так, прослеживая нить времен, она ехала под покачивание кареты и фырканье лошадей, безотчетно оглаживая пальцами грани шкатулки; размотавшись вдоль дороги, нить уткнулась в увенчанную литым гербом узорчатую решетку ворот.

Жозефину встретил нестарый еще крепкий мужчина в скромной одежде слуги с шевроном де Крисси на левой стороне груди и знаком достоинства управляющего помещьем — большим ключом при поясном ремне. Едва наследница ступила за ворота, управляющий с поклоном вручил ей связку ключей — символ хозяйки, полноправной и полновластной. Девушка, кивнув, приняла их, не позволив себе показать, что бремя обязанностей, обретшее теперь вещественность и облик, едва ее не согнуло. Рядом со статным мужчиной, уже шагнувшим далеко в осень своей жизни, невысокая изящная Жозефина казалась совсем хрупкой.

Повесив ключи на поясок своего скромного платья, она вновь подняла взгляд на управляющего. От него исходило чувство вины, и принятие судьбы как необратимой силы, движущей миром, и смирение уже немолодого человека, отдавшего жизнь служению другим.

— Мартин... как вы здесь?

— Такое несчастье, госпожа, — вздохнул тот, неестественно выпрямляясь, — такое несчастье...

Пообедав — не огорчать ведь добрую кухарку Агнес! — Жозефина в сопровождении Мартина отправилась лично осмотреть место пожара, унесшего жизнь ее матери.

— Кое-что мы уже разобрали, что нашли — похоронили, — рассказывал управляющий. — Там сиделка была да четверо больных, никто не вышел...

Управляющий, который юную хозяйку помнил уже отрочицей, приехавшей на краткие каникулярные дни, повел ее через дом к одноэтажному пристрою левого крыла особняка, где находилась лечебница. Лопнувшие от жара стекла, куски провалившихся вовнутрь насквозь прогоревших стропил, усыпанные обломками черепицы, сливающиеся в черную обгорелую грудку на черном обгорелом полу, и... целехонькая дверь во внутренние покои, стены как стены, оштукатуренные, не несущие никаких следов огня, а главное — никакого запаха гари, который спустя пару суток должен был окутывать еще все поместье, не исключая ни флигелей, ни прудика с золотыми роскошнотелыми рыбками.

— ...матушка же ваша, да будут светлы ее Небеса, ночью проснулась да и спустилась, а там уж бросилась в огонь, спасать... куда там — мы даже тел-то не нашли, а уж как полыхало: почитай, загорелось после полуночи, и до самого рассвета...

Жозефина слушала и смотрела, лихорадочно сопоставляя. Очень, очень странно...

— Мартин, отойдите, пожалуйста.

Старый слуга повиновался, разумно к тому же замолчав. Девушка вошла в пожарище и, став как можно ближе к центру, сосредоточилась — кончики пальцев соединены и смотрят вверх, голова наклонена так, что указательные пальцы смотрят в самую точку меж лбом и переносицей; она потянулась вперед и вглубь, пытаясь ощутить... увидеть... узнать...

Стена огня — яркого, хищного, безжалостного. Страх и отчаяние. Бездна. Обреченность. Ужас гибнущих, упрямство тех, кто до последнего пытался что-то сделать. И что-то... что-то еще. То, чего быть не должно. Сладковатая и будто бы затхлая нотка, паутинно-тонкая нить, неясно будоражащая среди общего понятного полотна. Вслушаться, раскрыться, понять... Жозефине было тем сложнее, что подобного чувства она не испытывала достаточно ясно, но все же она нашла название.

Экстаз. Очень странный, как и все здесь, не имеющий ничего общего со светлым молитвенным состоянием (и с чем-либо светлым вообще); пожалуй, ближайшим его родичем можно было бы назвать испытываемое самоистязателем, но для вящего понимания Жозефине остро не хватало опыта. Она подняла голову и разомкнула ладони, выныривая в людской мир, не окрашенный отголосками чувств тех, кто уже не принадлежал ему.

— Кто-то еще пытался спасти людей? — Она обернулась к Мартину, и голос ее прозвучал вчуже.

Тот отвечал не задумавшись:

— Я подойти пытался вот отсюда же, но жар такой был, что не подойдешь, никак я не смог... только матушка ваша... да вот конюх еще ворваться пытался, обжегся сильно, сам не свой теперь, только сидит да горькую хлещет... ох, извините, госпожа, не следовало мне...

— Право, Мартин, я неплохо представляю себе, что люди делают в подобном состоянии. И о существовании самогона знаю.

— Простите старика...

— Не за что извиняться, — ее серые глаза потеплели, утешая верного слугу, — скажите лучше, достойно ли похоронили... погибших?

Он поскреб в затылке, смущаясь.

— Так ведь и нечего почти было хоронить-то, зола одна. Ну, собрали, да и в землю, там, в уголочке сада, могилку сделали.

— А кости? Неужели не нашли под завалом, разобрали же почти?..

— Не было костей, пепел только, вот как есть, и не пойми, дерево или человек...

Даже если пожар полыхал часа три (хотя, прямо говоря, чему тут вообще гореть-то три часа, в тщательно защищенном каменном доме?..), тела не могли сгореть в золу, должны были остаться хотя бы части скелетов, зубы, хоть что-то. Очень странно.

Все очень странно.

Значит, это был очень странный огонь.

Магия?

Алхимия?

Ирокар его знает, что это было. Никакого магического фона. Ни капельки, ни кусочка.

— После пожара-то еще господа следователи приходили, притом не простые, а государственные. Ходили-ходили, искали-искали, ничего не нашли да с умным видом уехали. Письмо оставили, я его в кабинет унес вместе с другими, с вашего позволения.

Жозефина, рассеянно кивнула, запоминая сказанное, и в последний раз оглядела пожарище.

— Проводите меня к Сержу.

— Да, госпожа.

Конюшня располагалась у торца правого крыла. Деревянные стены и крыша, полутьма, уютно дышащая сеном и ощущением тел больших, теплых, добрых животных, посверкивающая любопытными и доброжелательными лошадиными глазами. Конюшня фыркала, посапывала, перебирала ногами в вычищенных денниках, вкусно хрупала овсом и задумчиво шуршала заботливо набросанной на пол соломой.

Из рукотворных сумерек, пронизанных снопами света из открытых окошек, со стороны денников выкатился мальчишка — лет десяти—двенадцати, с льняными вихрами и тонким изящным носом, одетый в простую небеленую рубашу да портки — все пусть и не совсем новое, но чистое и не драное; в общем, был он явно присмотрен, как бы там Серж ни прикладывался к кувшину последние дни, хотя у Мартина в доме иначе и не бывает.

Увидев управляющего, конюшонок склонил голову, а узрев вошедшую следом Жозефину, и вовсе согнулся в поклоне.

— Молодая госпожа, с прибытием, мы вас ждали, — отгарабил он, уже выпрямляясь и рассматривая означенную госпожу подвижными зеленоватыми глазами. — Если вы дядьку

Сержа ищите, так он того... смурной совсем, со мной и не говорит почти.

Девушка прошла мимо предупредительно посторонившегося Мартина и остановилась в шаге от мальчишки.

— Сержа я знаю, а тебя как звать?

— Жан, — улыбнулся мальчишка, оттопырив треугольный подбородок.

— Меня зовут Жозефина, а имя моего рода, я полагаю, и так знаешь. — Она вернула ему улыбку и повернулась к Мартину. — Сейчас мне нужен Серж, а по возвращении снова понадобится вы с вашей неоценимой помощью.

— Да, конечно, как госпоже будет угодно. — Старый слуга чопорно поклонился и вышел на солнечный свет. Жозефину же конюшонок повел вглубь, мимо денников, где за стенкой из дранки было устроено немудрящее обиталище Сержа — даже дверь без замка, так, лишь бы не дуло от входа в конюшню.

— Все, я туда не пойду, и смотреть-то горько, как совсем бирюком сидит...

— Спасибо, Жан, — и девушка нырнула под низкую притолоку.

В небольшой выгородке помещались маленький стол, лавка и табурет, на котором у стола и сидел Серж, теребя в руках какую-то часть сбруи; окошко, прорубленное во внешней стене, было неровно закрыто ставнем, но девушке вовсе не требовался свет — она ясно видела знакомого с детства конюха внутренним взором. Он был уже стар, куда старше Мартина, и сохранял ясный разум и живость движений. Но сейчас он не слишком походил на себя самого — обычно жилистый, подвижный, с веселым прищуром глаз, теперь он сидел согбенный, будто не крепкий старик, а древний старец, и крепче перегара от него шибало горькой виной. Замедленные движения, взгляд в никуда, общее ощущение, что человек не принадлежит этому миру — так и выглядят те, на кого свалилось большое, переворачивающее мир горе. В храм приходило много таких...

— Серж, — пододвинув к себе кусок чурбака, Жозефина присела перед конюхом. Помутневшие от самогона, слез и горя глаза медленно поднялись на нее, и конюх сказал надтреснутым голосом:

— А, молодая госпожа...

Сердце ее зашло от жалости. Чужие чувства рвали грудь, спасительно отодвигая ее собственные, но это был не первый и, видят Боги, не последний раз — и девушка привычно сосредото-

точилась, ощущая, но не получая ни вреда, ни смятения. Тонкий лед над бурлящей рекой...

— Я рада тебя увидеть. Рада вернуться домой. Жаль только, что... вот так...

— Рады... рады — это хорошо... а я вот... не уберег... Не уберег, — он снова уронил голову ниже плеч, и слово прозвучало как приговор самому себе. — Виноват... госпожу свою не уберег...

Она мысленно потянулась вперед, к конюху, успокаивая его, гася неизбежное горе, колющее девушку отголоском, пронзительным эхом ее собственного. Привычное усилие над собой — присутствие рядом того, кому требовалась помощь, всегда отодвигало собственные чувства Жозефины прочь от бьющегося в агонии разума, позволяя ей вновь стать цельной и спокойной. Той, которая может помочь.

Собственное горе придет снова, обрушится своим душным телом, но после, когда оно уже не сможет помешать исполнению долга целителя.

— Ты не виноват, — покачала она головой. — Никто не виноват.

— Я не смог, — горько прошептал слуга, — не защитил...

— Никто бы не смог, — вздохнула Жозефина, вспоминая жуткую и странную картину пожарища. Конюх не слушал, он тоже был сейчас там, переживая одновременно два кошмара — тогда, когда он не спас любимую хозяйку, и сейчас, когда горе потери и раскаяние медленно поедали его своими зазубренными ядовитыми зубами.

— Не уберег, — повторил конюх, глядя куда-то в пространство перед собой. Пальцы теребили упряжь все медленней, будто из них уходила жизнь. Девушка перевела взгляд на его руки — в повязках до запястий, и повязки явно полдня не меняны... Она осторожно взяла его ладони в свои, выпутала из пальцев сбрую — конюх не сопротивлялся, только пальцы гнулись плохо, как деревянные — и, размотав повязки, присмотрелась к ранам. Ну да, ожоги, довольно сильные, с открытыми мокнущими язвами и воспаленной кожей, но ничего такого, что нельзя вылечить.

Сила потекла к обожженным рукам, успокаивая боль, затягивая раны, охлаждая кожу.

— А все Штерн проклятый, зачем она за него пошла... — Конюх вскинул взгляд, сообразив, кому это говорит. — Извините, госпожа, что папку вашего...

— Расскажи, как это было, — нарочито спокойно, сухо сказала девушка. Такое упоминание об отце ее не удивило: старый слуга был всю жизнь предан де Крисси и новатора Штерна недолюбивал. Что, впрочем, не мешало ему нести свою службу одинаково безупречно до него, при нем и после него.

Серж шмыгнул носом, переглотнул и заговорил:

— Не спалось мне ночью, сидел чинил чего-то, и тут лошадки забеспокоились. Они, лошадки-то, всегда все чувят и всегда предупреждают меня, старого... и тут давай копытами бить, и ржать, и фыркать — я глянул — в конюшне все спокойно, тогда наружу выскочил — а там зарево над домом. Ну я ведро воды от входа хвать — и побежал туда; бегу, а в окнах стекла лопаются, и огонь прям стеной стоит, не видно ничегошеньки. До уличного входа добежал, ведро на себя опрокинул, чтоб, значитца, не сгореть, дверь распахнул, а в огонь войти не смог.

— Как это — не смог? — переспросила Жозефина с удивлением, не переставая залечивать обожженные пальцы.

— Да так вот... руки сую туда — а там как рогожа натянута во всю дверь, пальцы упираются, и все тут.

Точно. Вот оно. Она ожидала увидеть, что конюх весь покрыт ожогами, как обычно и бывает с теми, кто спасал людей на пожаре, но загорелую кожу лишь прорезали морщины, ожоги же пятнали только пальцы.

— ...И тихо, вот жуть-то какая, ни огонь не шумит, ни дерево в огне не трещит, и не кричит никто там, в огне-то... и вырваться никто не вырвался... Матушка-то ваша туда влетела, а выйти не вышла...

— Спасибо, что рассказал, — тихо сказала Жозефина, придавленная двойным горем. — Ты не виноват. Никто из вас не виноват. Никто бы не смог.

— Не вышла... — еще тише повторил Серж, глядя в пол. — Лошадка — зверюга такая, и беду и смерть чувствует... вот мне будет срок — придет за мной белая кобыла...

— Ты мне нужен, — попыталась ободрить конюха Жозефина, вкладывая в свои слова толику Силы и протягивая руку, чтобы погладить его по седой голове. — Серж, ты не виноват, оставайся здесь, куда я без вас...

Он качнул головой, вскинул освободившиеся от бережной хватки молодой госпожи ладони к лицу и хрипло зарыдал — без слез, молча и страшно. Старый слуга, поступивший к де Крисси еще таким же мальчишкой, каким сейчас был Жан, оплакивал и свою хозяйку, и паче того — что не смог ее спасти. Или хотя бы умереть вместе с нею.

— Не уберег... не убере-о-ог!..

...Когда кончились прорвавшиеся наконец слезы, Серж сполз с табурета и уснул прямо на полу. Жозефина осторожно вышла и позвала Жана и Мартина. Они переложили спящего на застланную попоной лавку, где подушкой служило седло. С Мартина было взято обещание, что, как только конюх проснется, ей немедленно сообщат — отдых души после выплеска мучающих человека чувств необходим и благотворен, но после всего этого нужен присмотр и уход — ослабленная душа вполне может не вынести пережитого, да и забота никогда не бывает лишней. Впрочем, вряд ли Серж очнется раньше вечера, впереди еще множество дел, и конца этому уже очень длинному дню никак не предвидится. А время всего-то обеденное...

Кабинет был все тем же, каким Жозефина помнила его: стены, не затянутые по старинному обыкновению тканью, а оклеенные новомодными обоями, пара забытых доверху книжных шкафов, тяжелый секретер и основательный рабочий стол с ящиками — все темного дерева с латунью, как и рамы окон. Найдя на столе записи о больных — кто, когда поступил, с каким недугом, чем лечили, — она поставила на стол свою шкапулку, с которой отчего-то не решалась расстаться, и открыла пухлый томик. Там двумя почерками — видимо, матери и сиделки — были аккуратно записаны даты, имена и все прочие сведения о поступивших в лечебницу; была даже весьма забавная запись о пожелавшем остаться безымянным noble, который «...был излечен в кратчайший срок от позорной болезни лично ЛдК (то есть Лилией де Крисси)» и в благодарность пожертвовал лечебнице немалую сумму в сто золотых. Пролистав большую часть, Жозефина внимательно прочла последние записи, касавшиеся тех, кто в ночь пожара был в лечебнице. Там значились: лесоруб с переломом ноги; родильница с родильной горячкой; женщина, которую подобрали на улице и доставили в лечебницу скорее дать спокойно умереть, чем в надежде вылечить, — она почти постоянно спала и вообще была очень плоха все то время, что провела на попечении де Крисси; и, наконец, старушка с глазным зерном, которую должны были на следующий день забрать родственники. Старушка и родильница находились в лечебнице около недели, нищенка — уже около двух лун, а лесоруба привезли за день до пожара. Смутная мысль мелькнула в каштановой голове, но уставший разум не смог зацепиться за нее. Набор дыхательных формул расслабления и сосредоточения, которому учили в храме, заставил

сердце забиться ровнее, а разум — проясниться, и девушка придвинула к себе шкатулку. Снова темное дерево, и четкие грани, и отсутствие украшений. Впрочем, вещи такого класса не нуждаются в украшениях — так же, как любой зверь прекрасен в своем природном совершенстве, а навешанные на него людьми султаны, бляхи и золотые ошейники смотрятся нелепо на фоне истинной красоты.

Шкатулка-хранительница открылась, легко поддавшись нажиму пальцев той, что имела право открывать ее. Под полированной крышкой тихо сиял лазоревый шелк тщательно уложенного внутрь платка. Жозефина потянула за выглядывающий из шелковых волн уголок: ткань с шелестом развернулась, что-то выпало из ее складок и металлически стукнуло о поверхность стола. Под платком, на дне шкатулки, остался лежать аккуратно сложенный в несколько раз лист плотной бумаги. По углам платка, лоскутом утреннего неба легшего на столешницу, вились вышитые серебряные виньетки. Он веял неизбыточной нежностью и невыразимой, неисчерпаемой любовью; и было еще что-то вроде легкой, чистой улыбки — улыбки матушки, которую нельзя было спутать ни с чем.

Протянув руку, девушка подобрала со стола тяжелый, явно мужской перстень, буквально дышащий магией. Старое золото с красноватыми прожилками, огромный рубин, то ли вставленный, то ли вплавленный в тело перстня, несущий сложный знак из пересекающихся многоугольников, и гравировка на внутренней стороне — № 001. Если платок, безусловно, принадлежал матери Жозефины, то перстень столь же несомненно принадлежал ее отцу. Но она понимала, что надевать его ни в коем случае нельзя — перстень, бывший очень штучной работой, вне всякого сомнения, обладал признаками целого класса подобных артефактов: помимо прочих свойств это был универсальный ключ, который, как всякий иной ключ, мог как открывать закрытое, так и закрывать открытое, и к тому же имеющий в себе целый набор связанных между собой защитных заклятий да еще и настроенный на хозяина; мгновенное обращение в пепел при попытке надеть такой артефакт на палец тем, кто не имеет права его носить, было самым невинным способом самоубийства посредством столь безрассудного поступка. Поэтому Жозефина пока отложила его в сторону и взяла в руки лист со дна шкатулки. Его скреплял красный сургуч с отпечатанной в нем многоугольной абстракцией алхимической фигуры — близнецом изображенной на рубине перстня. Ломаться в паль-

цах печать не желала; несложно было догадаться приложить к ней сам перстень, чтобы она поддалась.

Это было письмо, написанное острым и очень четким каллиграфическим почерком:

«Лилия, любовь моя.

Если со мной что-то случится при тех обстоятельствах, о которых я говорил тебе той ночью в башне, передай это кольцо Жози. Во всех прочих — уничтожь вместе со шкатулкой; ты знаешь как.

Прости меня, если сможешь.

Твой Себастьян»

Письмо от отца к матери. Неизвестная башня. Некий способ уничтожить шкатулку-хранительницу... да еще вкуче с перстнем. Непонятная просьба простить... что?.. И — Жози. Жозефина. Перстень принадлежит ей?..

Не успев даже обдумать эту мысль, девушка увидела, как письмо вспыхнуло по краям голубоватым пламенем, которое невозможно было сбить, и за пару мгновений сгорело целиком. Оставшийся пепел развеял порыв ветра, завершая магию уничтожения.

Отстраняясь от бешено скачущих галопом мыслей, Жозефина заглянула в шкатулку, чувствуя, что та раскрыла далеко не все свои секреты. Попытка вскрыть ее ножом для бумаг привела лишь к тому, что нож стек на пол раскаленным ручейком, и от ожога девушку спасли только костяные накладки рукояти. Другой нож, найденный в ящике стола, был использован по прямому назначению, и алая капля с разрезанной им подушечки пальца упала в середину шкатулки под заклинание-требование:

— По праву крови!

Кровь впиталась в полированное дерево, а взамен на его поверхности появились семь знаков древних рун неизвестного Жозефине языка. Едва она успела перерисовать их на первый подвернувшийся кусок бумаги, как и шкатулку-хранительницу охватило уже знакомое голубоватое пламя, и порыв ветра развеял ее легкий пепел. Убрав перстень вместе с запиской в поясную сумочку, девушка вернулась к бумагам.

На столе лежало два письма — так, чтобы подошедший к столу сразу их увидел. Одно из них имело самый официальный вид — крупный конверт плотной коричневой бумаги, скрепленный большой, с пол-ладони, печатью из сургуча характер-

ного оттенка; к тому же оно разило канцелярщиной, и именно с него Жозефина решила начать, откладывая более интересное на десерт.

Один нес на себе печать Розыскной канцелярии, прямо подчиненной его величеству королю Натану Трейру, первому этого имени, Владетелю земель от Севера до Юга, Защитнику Порядка, и так далее; в конверте было письмо, где розысканы — сиречь служители Розыскной канцелярии — признавались в своей беззубости, то есть приводили протокол осмотра «места события» и дальнейшие выводы: проверено на наличие магических и алхимических следов... проведен опрос свидетелей... возгорание произошло около полуночи, предположительно — магическая ловушка... сведение личных счетов или же конкуренция... провели такие-то и такие-то, номер дела, подпись. Жозефина только фыркнула, откладывая зазря испорченную бумагу.

«Десерт» же не подвел: длинный, тоже коричневый, но иного тона конверт с аккуратной красной печатью — сплетенные инициалы «Ю» и «К» над весами, опорой которым служило перекрестье меча, — был из нотариальной конторы Кроненбаха и содержал в себе указание явиться в контору «в случае чрезвычайного происшествия» в течение трех дней; дата в письме стояла вчерашняя — то есть доставили его в день сразу после пожара. Подобные дела лучше было делать с утра, посему Жозефина решила ехать к нотариусу назавтра.

Еще одно письмо лежало по правую руку, ближе к дальнему от сидящего углу столешницы. Печать с гербом рода была сломана, подписан конверт был дядей Жозефины, Гарриком де Варденом, обитавшим в небольшом поместье на исконных родовых землях на Севере. В самом же письме — вполне обычном, таком, какие и пишут друг другу разделенные расстоянием, но не отношениями родичи, была не самая обычная приписка:

«...все ли у тебя хорошо? Я спрашиваю потому, что ко мне приходил странный человек из тех, кто спрашивает ни о чем. Я пытался прозреть его, но он был закрыт от меня этими новомодными штуками. Он спрашивал про мои дела, но мне кажется, что в действительности он хотел узнать о твоих. Не осталось ли у тебя незакрытых долгов? Ты знаешь, о чем я». В конце письма был еще более странный постскрипtum: «Клаус велел передать, что он спит хорошо».

Письмо только добавило загадок. Тот, кто спрашивает ни о чем... особый следователь — из тех, что работают на безопасность всего королевства, а не его жителей? И кто такой Кла-

ус — среди родни Жозефины такого имени не было? И долги... дядя вел речь явно не о деньгах — так о чем? Благо с новомодными штуками все было понятно — дядя явно имел в виду алхимические талисманы. Все это следовало тщательно обдумать, да и дела насущные тоже требовали внимания.

Мартин отыскался на первом этаже, в приемной зале, и как раз распоряжался насчет поездки на рынок, причем никого больше рядом с ним не было. На вопрос хозяйки он пояснил, что в поместье используются браслеты связи — распространенные бытовые артефакты алхимического происхождения, одно из изобретений господина Штерна, крайне полезные в хозяйствах нобле и зажиточных ремесленников. У слуг были браслеты третьего порядка, обеспечивающие связь с каждым из них, управляющий носил браслет второго порядка, благодаря которому мог вызвать любого из слуг либо отдать им распоряжения, и браслет первого порядка, или мастер-браслет, носил господин.

— У матушки вашей такой был, но она его, считайте, и не носила почти что, видать, лежит у нее в спальне или в кабинете.

Спальня матушки была довольно просторной. Светлый шелк на стенах, напротив двери — бережно застеленная кровать — просторная, но явно для одного человека: оставшись вдовой, Лилия де Криси больше не заводила романов, — рядом резной столик и светлый ковер на узорчатом наборном полу, в углу — книжный шкаф; на больших окнах — тонкие льняные занавеси. Над изголовьем кровати поблескивал вбитый в стену крюк для фонаря. Свет, воздух и покой царили в этой комнате, и юная де Криси вдохнула его полной грудью — дышать и не насыщаться... теперь это будет ее комната, и ей хранить созданное матерью.

В первую очередь девушка обратила внимание на узлы Силы по углам, выделявшиеся на фоне общего защитного плетения, пронизывающего стены особняка. Примерно в ладони над полом в каждом углу была вделана в стену медная пластина с изображением Даны Воительницы — малоизвестной ипостаси Даны Светлой. Уже много лет ее поминали как Исцеляющую, Дарящую, Возращивающую, но мало кто помнил, что Мать Матерей — не только кроткая целительница и щедрая хозяйка, но еще и грозный боец, защищающий созданное прочими ипостасями. В конце концов, любая мать не только нянчит своего ребенка и улыбается ему, но и при необходимости встает между ним и опасностью — что не мешает ей во время мира быть нежной и ласковой. Этот контур защиты мать совершенно точно

ставила сама. Погладив пластинку, девушка продолжила осматривать спальню. Наверняка здесь находилось что-то, что могло помочь в разгадке тайны смерти матери и, возможно, отца. Жозефине все больше казалось, что они связаны между собой, несмотря на разделявший их десяток лет; и вполне очевидно было, что ей самой угрожают опасность и немалая вероятность разделить участь родителей в самом ближайшем времени. Вопросов было все больше, ответы ускользали и следовало не упускать ни единой возможности получить еще кусочек громадной, сложной и недоброй мозаики.

Мастер-браслет действительно нашелся в небольшом комодке, притаившемся около кровати. Там же лежал и гербовый перстень де Крисси, тяжелая печатка очень изящной и древней работы. Магия перстня была такова, что он отгрызал палец всякому, надевшему его без кровного на то права. На дивной красоты лазурном камне лежало серебро герба: крылатое копьё, чье острие грудью закрывал вставший на дыбы единорог. Кроме них в комодке хранилась небольшая книжица в переплете мягкой кожи, вся исписанная почерком матушки. Дневник. Вели его не очень аккуратно, пропуская седмицы, луны, а иногда и годы. Там были стихи — весьма неплохие, кстати сказать, — и домашние заклинания собственного изобретения; кое-где страницы были аккуратно вырезаны. Много касалось отца, и там можно было найти смутные намеки на то, что Лилия знала, откуда родом Себастьян и кем он был до того, как они встретились. Нашлась там и запись, сделанная перед смертью отца; быстрым, летящим почерком матушка писала, что «Себастьян стал нервным... он очень переживает за меня, за детей... завтра ему уезжать к себе в башню, он сам волнуется, и мне очень страшно за него. Над нашим домом сгущаются тучи, и уже скоро, я чувствую, оттуда ударит молния и поразит нас».

Что ж, мать обладала сильным Даром, а для любящих женщин подобные прозрения и вовсе не удивительны. Жаль, что нельзя точно предугадать и отвести беду.

Жозефина убрала дневник в ящик, и тут в дверь вежливо постучали.

— Госпожа, подать ужин сюда, в столовую, или, может, сервировать в приемной зале?

Раздумья заняли мгновение.

— В зале, пожалуйста. И собери всех слуг. Если Серж все еще спит — не трогай.

— Будет сделано, госпожа, — и Мартин ушел.

Две лестницы — к правому и заднему крылу — встречались как раз в приемной зале, центральном помещении особняка, где у большого круглого стола из мореного снежного тиса уже собрались все домочадцы, за исключением Сержа. Все они смотрели на госпожу, которая спустилась по правой лестнице и встала на свободное место перед столом. Ожидание, печаль, спокойное любопытство и тепло.

Она обвела слуг взглядом и заговорила:

— Приветствую всех. В связи с гибелью Лилии де Криси я, ее дочь Жозефина де Криси, принимаю владение этим помещением. Я благодарю вас всех за службу нашему роду и надеюсь, что вы и впредь останетесь в этом доме, со мной. Да пребудет над всеми нами благословение Светлой Даны, Подательницы и Защитницы. Я прошу тех из вас, кого не знаю, назвать свои имена, ибо мне следует знать каждого, кто вручил мне свою жизнь для служения и защиты.

Мартин кивнул и промолчал, кухарка Агнес улыбнулась, старик-сторож по прозвищу Капрал вытянулся во фронт, его верный пес Солдат протяжно зевнул. Две молодые служанки представились дуэтом:

— Ада!

— Мы называем их Большая и Маленькая, — улыбаясь, пояснил Мартин.

— Мама назвала меня Ада, но думала, что я не выживу, и потому младшую сестренку тоже назвала Ада, а вот они обе мы, — разулыбалась Ада Большая. Маленькая только хихикнула и погладила сестру по руке.

— Благодарю, — кивнула Жозефина. Тепла во взглядах ощутило прибавилось. — Возвращайтесь к своим делам и ложитесь спать как привыкли — скорее всего, этот день для меня закончится нескоро. Мартин, подойдите после ужина. Капрал, прошу остаться.

Женщины ушли, и Жозефина, спросив у Капрала разрешения, склонилась к Солдату, чью шею обнимал ошейник из толстой кожи в гербовых накладках дома — парные крылья по самому ошейнику и пряжка в виде головы единорога; кстати, весьма мощный сложносоставной талисман — защита, обнаружение, атака. Заглянула в умные пески глаза под бархатными веками, погладила обрубки ушей, почесала холку, зарываясь пальцами в длинную жесткую, белую с подпалинами шерсть. Пес ростом по бедро взрослому мужчине вилял роскошным хвостом и ластился, словно щенок, притом очень осторожно, чтобы ненароком не сшибить с ног молодую госпожу, а потом и

вовсе уткнулся лбом ей, вставшей на колени, в грудь — и лоб этот был ненамного уже плеч девушки. Ум, светившийся в глазах зверя, мощь оплетающих тело мышц и верность хозяевам воспитывались поколениями на ее глазах — она могла бы поклясться, что маленькой девочкой играла с его матерью, а та точно так же ее привечала, позволяя довольно болезненно тянуть за остатки ушей и катая по двору на широкой, как лавка, спине. С сожалением оторвавшись от Солдата, Жозефина поднялась на ноги, в последний раз коснулась песьей морды и отпустила Капрала нести службу, а сама вместе с Мартином отправилась в самое загадочное место дома — лабораторию отца, почти заброшенную после его гибели.

Зайдя в заднее крыло, Мартин засветил фонарь — вместо привычного огня свет давал магический «светлячок».

— Туда давно никто не ходил, госпожа, — говорил Мартин, пробираясь по тропинкам меж груд хлама. — Как они узнали, что ваш папенька умер, так сюда пришли люди от алхимиков — ей-ей, зашли десять, а вышли шестеро, троих под простынями вынесли и еще одного покалеченного. Вывозили все телегами, особо не разбирались. Шум там был, треск, крики, жуть всякая. — Он остановился у дверей и передал фонарь хозяйке. — Вы не сердчайте, не пойду я туда, злое место...

— Разумеется, — кивнула Жозефина. — Я вас позову, благодарю. — Открыв дверь любезно указанным Мартином ключом, она взяла фонарь и вошла. Старый слуга поспешил уйти на первый этаж, подальше от жуткой комнаты.

Лаборатория была весьма просторной — не менее чем десять на пятнадцать шагов и дышала затхлой пустотой разоренного и позабытого места. Длинные полки для книг напротив входа, стол с ящиками в правом углу и потертое кожаное кресло — вот и все, что здесь осталось из всей обстановки. На книжных полках, покрытых толстым слоем пыли, сиротливо валялась пара томов, и магии в них не было никакой; один был весьма нудный — «Жизнь, дела и посмертие Корнуолиса Безымянного», второй красовался изящной надписью «Эльфийские древности». «Древности» Жозефина без опаски взяла, решив почитать на досуге — интересно, когда он будет, тот досуг?.. — а в «Жизни и делах...» обнаружился тайник. Он все еще излучал остаточную магию, но, что бы там ни лежало, это оттуда забрали. Уголок еще одной книги выглядывал с самой верхней полки; деревянная лесенка, ездящая вдоль полок, скрипнула, но легкое девичье тело выдержала.

Книга, переплетенная в шершавую кожу и окованная черным металлом, с неизвестными графемами на обложке, была очень древней — и очень странной: во-первых, к специальной петле на ее оковке тянулась цепь, созданная из алхимически сплавленных между собой серебра и стали; а во-вторых, на ней, пролежавшей десятков лет в закрытой комнате, не было пыли.

Ни крупинки.

Книга открылась, лишь повинувшись прикосновению наследного отцовского перстня. Тихо зашуршали под пальцами листы — то ли пергамент, то ли еще более древний материал; графемы внутри все же не были вовсе неизвестными: начертанные на дне шкатулки знаки явно принадлежали тому же алфавиту, которым была написана эта книга. То же самое сочетание не встречалось нигде, но сами знаки в составе слов — сколько угодно. Часть страниц была пуста, часть — забрызгана то ли кровью, то ли иными жидкостями телесного происхождения; в любом случае делиться своими загадками с юной целительницей книга не собиралась. Жозефина переложила ее пониже — так, чтобы можно было достать без лестницы, на случай, если появится возможность получить ответ, и легким движением уснула лесенку в дальний конец полок.

Следующим был стол — потемневшее от времени, местами обожженное или окрасившееся дерево, слева четыре ящика, закрытых явно в большой спешке; в ящиках лежала канцелярская мелочь — листы и свитки бумаги, разномастные свечи, перья, пузырьки разноцветных чернил, ножи для бумаг, парочка пресс-папье, которую посланные Гильдией алхимиков люди выгребать не стали: и без того цена пребывания здесь была слишком высока, и никто не хотел тратить на это драгоценные минуты. Под столом на пыльном полу лежала столь же пыльная, истлевшая до костей кисть руки — судя по концам костей, не в меру загребущую ручонку откусил ящик, хранивший секреты своего хозяина и после его смерти. Только сейчас Жозефина стала замечать следы борьбы: лаборатория отчаянно сопротивлялась бесцеремонному вторжению грубых невежд, пусть и обвешанных множеством талисманов. На толстых досках стен и пола даже под пылью угадывались глубокие борозды — как будто кто-то (или что-то) цеплялся, пока его тащили; хватало и выжженных пятен, одно из них было на стене недалеко от двери и имело очертания человеческой фигуры; кое-где будто плеснули кислотой. Жозефина покачала головой — качнулись крупные кудри локонов — и прошла по комнате, ища не замеченное ранее.

Такое обнаружилось в углу, противоположном от стола, по левую руку от входа. Там была металлическая вмурованная, сплавленная в пол полиграмма в круге с рассыпанными тут и там графемами, еще называемая Звездой Призыва или Кругом Удержания. Такие обычно служат для призыва мелких и средних сущностей с Ветвей или Корней Древа Силы, на котором держится мир людей и миры богов; всякие хищные артефакты в Круге тоже перестают представлять опасность — это Жозефина помнила из храмовых уроков, причем скорее истории, чем магии. Сейчас Звезда была тщательно запечатана: магическое излучение от нее было очень слабым и ровным, без пульсации, а по краям виднелись свинцовые «стаканчики», заполненные особой глиной с вдавленными рунами сдерживания и закрытия. Девушка обошла знак, не заходя внутрь и тщательно следя, чтобы ни обо что не пораниться и ничего не уронить на пол: нарушать равновесие Сил вблизи подобных знаков было смертельно опасно и на печати надежды было мало — могут ли оковы последователей удержать порождение Первого алхимика?..

А еще ей отчего-то казалось, что она могла бы вскрыть эти печати и, при нужде, усмирить полиграмму. Ощущение было крайне странным: к алхимии она никогда не имела ни малейшего касательства, кроме использования отцовских фонарей, когда ей случалось засиживаться дома над книгой.

— Чем глубже в горы, тем больше гноумов... — пробормотала она и вышла прочь, погасив фонарь.

Наутро Жозефина поняла ужасное: платья для выхода в город у нее не было. Скромное платье для выезда в окрестности храма на разные практикумы и еще более скромное одеяние воспитанницы для первого появления в свете явно не подходили. Следует понимать, что ей не были важны вещи как таковые; она не падала в обморок, подобно некоторым модницам, если приходилось надевать платье, которое она уже носила всего лишь на прошлой неделе — о нет, здравый смысл и воспитанная в храме Даны привычка к скромности и достаточности позволяли ей довольствоваться малым без всякого ущерба. Но тот же здравый смысл и знание людей внятно говорили, что юная наследница рода при выезде в город по делам должна иметь соответствующий вид, особенно учитывая, что в последние дни имя ее рода у многих на слуху. Это несомненно облегчит отправление оных дел и, кроме того, уберезет от лишних пересудов и еще более лишнего внимания. Посему Жозефина,

вызвав Большую Аду, изложила той просьбу привезти ей готовое платье — не слишком скромное, но и не броское, приличествующее юной наследнице, только-только перенявшей права главы рода, и подобный же костюм для верховой езды; и к этому соответствующие туфли и сапоги.

— Только, пожалуйста, такое, чтобы в этом можно было не только стоять и сидеть, но и нормально ходить и быстро вскакивать в седло и спешиваться.

Обмерив госпожу, служанка удалилась. Чтобы занять образовавшееся время, Жозефина навела порядок в кабинете; разыскав подходящей длины прочный шнур, повесила себе на шею перстень, опустив его так, чтобы он не был замечен даже в самом смелом декольте; и, наконец, полистала взятый из отцовской лаборатории «Краткий список эльфийских древностей». Среди диадем, колец и клинков общим числом четырнадцать девушка с глубочайшим удивлением увидела пятнадцатую древность — храм, и не просто храм, а Храм (как-как?.. нет, правда?..) Танцующих Кроликов. Это настолько шло вразрез с представлениями об эльфах, которых здесь чаще звали Первыми (долгоживущие, прекрасные мастера, бойцы и маги, несколько отстраненные и всегда сдержанные), что Жозефина даже не сразу услышала стук в дверь.

— Вот смотрите, — зашебетала служаночка, разворачивая наряды и явно смущаясь, — я взяла платье, как вы просили — очень приличное и удобное, я померила похожее. Еще одно вот, уже для званных вечеров, с плечами открытыми, только вы не пугайтесь, там шалька к нему идет, закутаться можно. Ну и костюм верховой, женский, но тоже приличный очень, без кружев и всякого такого. И к нему еще рубашка, простая, с пуговичкой...

— Благодарю, Ада. Принеси еще, пожалуйста, траурную ленту. — Скорбь о матери, чья жизнь оборвалась так рано, так глупо, да еще и с такой продуманной жестокостью, ощущалась как незаживающая рана в сердце, крест-накрест по старому шраму, оставленному гибелью отца. Жозефина вспоминала мать и в молитве, и наедине с собой, но показывать эту рану она не могла — слишком многое требовало ее внимания и слишком опасно было проявлять слабость. Слугам же ее показывать просто не следовало — добивать они, разумеется, не будут, но и помочь вряд ли смогут: господа для них слишком далеки и неприкосновенны, иногда даже — священны; как помочь богу?..

— Ой, сейчас... — и Ада, шелестнув юбками, умчалась прочь. К ее возвращению — весьма и весьма быстрому — Жозефина

уже переделалась в верховой костюм и как раз примеряла сапоги, отлично облегли ногу и севшие как влитые. Плотный серый лен костюма, тонкий батист ворота и манжет белой рубашки, темная кожа сапог в едином ансамбле придавали Жозефине более взрослый и достаточно серьезный вид, а траурная лента — еще и горькое достоинство. С достоинством, обычным у потомственной нобле, обладающей благородной душой и воспитанной в скромности, но не низкопоклонстве, все и так было в порядке.

По рекомендации и с помощью Ады собрав волосы вместо привычной прически из отброшенных с лица и сколотых на затылке прядей в «шишку» над шеей, девушка поняла, что есть еще одна трудность: сопровождение. Все-таки храмовая жизнь отнюдь не способствует знанию светских законов...

— Желаете поехать верхом или в карете?.. Хотя, судя по вашему внешнему виду, верхом; простите, госпожа, не подумал сразу. Если вы просто едете по делам, да еще с утра, хватит Жана в цветах рода. Можете нанять себе сопровождающих в Гильдии наемников, многие так делают, чтобы не содержать охрану дома, — терпеливо наставлял юную госпожу Мартин. Та благодарно кивала, запоминая.

Во дворе ее уже ждал Серж — отоспавшийся после вчерашнего выплеска и наконец-то выглядящий как старый верный конюх — немолодой, но крепкий и работающий мужик, а не как бледная тень слабого подобия себя. Он держал под уздцы двух кобыл — молочно-белую и мышасто-серую, а рядом стоял сияющий, как начищенный медный котелок, конюшонок Жан. Стараясь блюсти достоинство исполнителя важного поручения, но все равно отчаянно пританцовывая, он подошел к Жозефине.

— Я знаю, я так уже делал, прежнюю госпожу сопровождал! — выпалил он. — Я и город знаю, куда надо, туда и отведу, вот!

Она улыбнулась и повернулась к Сержу.

— Вам вот беленькую, матушка ваша ее очень любила. Смирная она, послушная, — приговорил он, передавая поводья из руки в руку, — а этому сорванцу — серую, — и сразу выдал госпоже кусочек сахару. Она подошла к симпатичной, не слишком крупной и не особенно молодой, но все еще резвой и очень понятливой кобыле, и та, пофыркивая, обнюхала ее мягким розовым носом, ткнулась лбом в плечо, и только после этого вежливо схрупала предложенный ей сахар. Конюх одобрительно хлопнул лошадку по крупу и придержал стремя.

Жозефина легко взлетела в седло — ей всегда нравилась верховая езда, и в храме ее отлично преподавали. Жан ловко и без лишних церемоний — как-никак, а он с этими конями каждый день общается, свой совсем, — влез на серую, и всадники поехали со двора под прощальный взмах руки Сержа и улыбку Мартина, так и искрящуюся в глазах.

Стольный город Альвэнда, как и многие другие, располагался тремя кольцами: Холм, где стоял королевский дворец, он же крепость, последний оплот обороны; там жили богатейшие и влиятельнейшие нобле. Следующее кольцо, называемое Речной слободой, или попросту Приречьем, пусть и менее зажиточное, было, по мнению многих, более уютным — здесь расположились поместья нобле попроще и дворы зажиточных ремесленных мастерских. Последнее же кольцо, Заречье, приютило крестьян побогаче и ремесленников победнее. Откровенную бедноту в городе старались изжить так или иначе — открывая ночлежки, давая ренту на земли или работу за еду и пару медяков в неделю, позволяющую отмыться, наскрести на новое платье и устроиться куда-нибудь в более приличное место — хоть тем же подмастерьем или батраком; особо безнадежных, для кого нищенство было скорее образом жизни или даже профессией, могли и в тюрьму отправить на луну-другую или вовсе из города выгнать. Так или иначе, а дальше Заречья подобные не лезли, небезосновательно полагая, что черствый хлеб на свободе лучше, чем овсяная каша в каменном мешке.

Неимоверно гордый оказанным доверием новой госпожи, Жан заставлял своего скакуна красиво изгибать шею и всю дорогу безудержно болтал, рассказывая о городе вообще и Приречье в частности, при этом умудряясь сохранять полный достоинства вид.

— ...а вот там в лавке самые лучшие сладости, меня дядька Мартин иногда туда посылал к столу разного взять и разрешал на медяк леденцов купить! Во, мы уже приехали почти, во-о-он по той улице немножко дотрюхать...

Они подъехали к зданию, очень напоминавшему купеческую лавку. Оно выделялось каменным фасадом и темно-красной черепичной крышей; слегка «отступившее» от улицы, оно имело немалое пространство перед собой, где расположилась не только коновязь, но даже и место для карет — роскошь, доступная далеко не каждому заведению.

Гордый Жан спрыгнул наземь и помог спешиться госпоже, а сам повел кобыл к коновязи. Только Жозефина приготовилась открыть дверь, украшенную уже знакомым чеканным гер-

бом — обращенный вниз кинжал, образующие его крестовину весы и распахнутый глаз на его яблоке, — как та распахнулась сама от резкого движения какого-то нобле, облаченного в офицерского покроя камзол.

— Вам это так просто с рук не сойдет! — крикнул он куда-то в таившиеся за дверью полусумерки, погрозил туда же кулаком, вспрыгнул на скучавшего у коновязи коня самых что ни на есть чемпионских статей и унесся вверх по улице.

Поймав не успевшую захлопнуться дверь за изящную кованую ручку, Жозефина вошла внутрь. Здесь все действительно выглядело как купеческая лавка средней руки: довольно высокий прилавок, на стене за ним — полки, а на них — пачки разной бумаги, от самой обычной писчей до гербовой и даже дорогой цветной; свитки со шнурами и лентами, в тубусах гладкой кожи и с украшениями, не лишенные изящества баночки с разноцветными и невидимыми чернилами и проявителями к ним; перья — от привычных гусиных до орлиных и павлиньих и прочие письменные принадлежности. За прилавком, присматривая за этим великолепием, сидел круглый и маленький человечек совершенно неопределенного возраста — такому может быть и двадцать пять, и пятьдесят лет. На литых посеребренных пуговицах его камзола виднелась все та же эмблема, своеобразный герб господина Кроненбаха: меч, весы и глаз.

— Чем могу помочь? — поднявшись, спросил человечек не густым, но весьма приятным голосом.

— У меня дело к господину Кроненбаху, — отвечала девушка, показывая приметный конверт. Мельком глянув на него, человечек попросил подождать и исчез в недрах дома; вернулся он очень быстро, будто не ходил, а катался, и пригласил следовать за ним.

В квадратной комнате вдоль стен стояли шкафы, набитые пухлыми томами, пачками бумаг, свитками и тубусами. Напротив двери, спиной к окну, у большого стола полированного черного дерева сидел сам Юлиус Кроненбах — мужчина с тяжелой челюстью и широким, костистым лбом, из-под которого смотрели очень умные и цепкие, не потерявшие красок серо-зеленые глаза. Его волосы цвета платины — благородный знак множества прожитых лет — дорожками бакенбард спускались до самой шеи и были аккуратно подстрижены и зачесаны — не менее и не более чем приличествует следящему за собой мужчине в возрасте, известному в своей важной и сложной области. Обменявшись с нотариусом исполненными достоинства приветствиями, Жозефина опустила в деревянное кресло с обитой

кожей спинкой. На столешницу лег и от аккуратного толчка подъехал к нотариусу присланный им же конверт. Кроненбах взглянул на него, потом, внимательнее, — на посетительницу.

— Госпожа Жозефина де Криси, я полагаю?

— Да.

— Рад вас видеть. С вашим семейством всегда было приятно работать. Подождите немного.

Нотариус вышел из кабинета и почти сразу вернулся, неся в руках сверток красной кожи. Он положил его на стол, но садиться не стал.

— Вот то, что я должен был вам передать в случае какого-либо происшествия. С вас ничего не требуется, все уже оплачено. Если вы желаете вскрыть это здесь, я могу удалиться.

— Да, пожалуйста, — отозвалась Жозефина, зачарованно глядя на сверток. Он чем-то притягивал взгляд — то ли хранимой им загадкой, то ли великолепной поверхностью темно-красной шкуры неизвестного зверя, то ли тем, что девушка могла ощутить, но не осознать.

Стукнула о косяк дверь, и Жозефина придвинула сверток к себе, касаясь его медленно и осторожно, чтобы познакомиться и запомнить. Он был чуть больше локтя в длину; его опоясывал, образуя узор из ромбов, темный шнур, несущий на себе три печати на пересечениях витков. Печати не имели ни гербов, ни инициалов — только застывшая лужица серебристого сургуча с оттиснутым в ней кружком. «Что ж...» Жозефина сосредоточилась и сломала первую печать; повеяло почти мгновенно истаявшей магией — будто короткое дуновение унеслось от печати в пространство. Так же повели себя и остальные две — слабый выплеск магии и серебристый, мгновенно растворившийся в воздухе порошок.

Внутри свертка было три вещи, и каждая притягивала к себе — прикоснуться, рассмотреть, познать. Для смотрящего глазами более всего выделялся недлинный, в локоть, клинок в ножнах с подвесом, очень изящной работы: рукоять прикрывала ажурная витая гарда, а на эфесе сиял крупный рубин, от которого отходили выгравированные языки пламени — так, что получалось солнце. Завороженная великолепным оружием — а она знала, что такое хорошее оружие: блестящие камешки и алмазная полировка никак не могли сделать плохой меч хорошим, — Жозефина на полпальца вынула его из ножен.

Черные ножны, обтянутые кожей, хранили в себе четырехгранный клинок черненной стали, и каждая грань поблескивала хищной, бритвенно-острой кромкой. Мизерикордия дышала

древностью, великим искусством и тщанием мастера. К совершенству ее формы и назначения, к глубокой черноте, ограненной блестящей сталью, удивительно подходил второй увиденный ею предмет — женский пояс, набранный из хитро прилегающих друг к другу пластин серебристого металла. Столь же древний, как мизерикордия, он был украшен вплетенными в общую легкую и воздушную гравировку защитными графемами и замыкался небольшой круглой пряжкой, в которую был вделан опять же рубин. Изящной, тонкой в кости Жозефине пояс как раз подходил. Мизерикордия и пояс были вещами одного толка и сочетались гармонично, как седло и лошадь или роса и цветок. Возможно, они даже вышли из-под рук одного мастера: и клинок, и пояс были вещами штучными, любовно изготовленными и совершенно явно предназначенными кому-то конкретному; может быть, далекому предку Жозефины?..

Отложив боевой гарнитур, девушка взяла в руки третий предмет — конверт плотной желтоватой бумаги, скрепленный той же серебристой печатью без знаков, точно так же осыпавшейся тут же истаявшим порошком. Когда печать развеялась, стало понятно, что это не конверт, а свернутая по его подобию бумага. Там была нарисована географическая карта сравнительно небольшого участка местности; некая точка была помечена эльфийской графемой входа. Как только Жозефина склонилась ниже над картой, стараясь понять, что это за место, ее словно потянул за собой раскрывшийся вихрем провал — и она поддалась.

...В лицо ударил ветер — беззвучный, как и все вокруг. Она парила в небе, описывая круги над одним и тем же местом. С высоты был виден лес внизу, а еще дальше — замок, чьи стены казались красноватыми в лучах солнца. Она будто обернулась птицей — на краю зрения можно было увидеть трепетавшие в воздушных потоках концы маховых перьев. Чтобы вынырнуть обратно, потребовалось только закрыть глаза.

Снова загадки. Загадки, которые нельзя разрешить в одиночку. Завернув пояс и клинок обратно в шкуру — кстати, не позволяющую увидеть магическое излучение заключенного в ней предмета, — Жозефина звонком специального колокольчика позвала нотариуса обратно.

— Господин Кроненбах, мне нужны некоторые ответы, но у меня нет того, кому я могла бы задать вопросы. Если я покажу вам нечто из того, что вы передали мне, могу я рассчитывать на то, что вы как хранитель множества тайн сохраните и эту?

— Несомненно. — Он оставался все так же спокоен, выдержан и даже несколько величав. Последнее, впрочем, было скорее свойством личного характера, чем достоинством профессии. — Можно это оформить как единоразовую консультацию.

— Сколько это будет стоить?

— Двадцать золотых. За эту сумму вы получите все сведения по вашему вопросу, какими я владею и какие сумею разыскать; с другой стороны, сообщенное вами не уйдет дальше меня.

Жозефина замолкла, обдумывая сумму. Ежелунный доход поместья составлял всего около пятидесяти монет, считая отцовские патенты, королевскую пенсию за его же смерть и скромную традиционную контрибуцию от дяди, принадлежащего к младшей ветви рода, — несколько бутылок знаменитого северного вина, фрукты, зерно и два серебряных слитка. Впрочем, наверняка был кое-какой запас — мать жила скромно, основные траты шли на содержание прислуги и госпиталя, так что можно было позволить себе заплатить двадцать золотых за ответы, которые могут оказаться бесценными.

— Вы можете выписать вексель на предъявителя, если не располагаете сейчас необходимой наличностью, — подсказал Кроненбах. — Ваш счет находится в Королевском банке, обналичить его не составит проблем.

— Да, так оно и будет. Дайте, пожалуйста, бумагу.

Выписав вексель на подготовленном бланке, она заверила его своей подписью и оттиснула в сургуче гербовый перстень де Крисси. Кроненбах кивнул, принимая бумагу, и поставил на стол крупный, с мужской кулак, кристалл, вделанный в увесистую бронзовую подставку; возложил на него ладонь и, глядя в глаза Жозефине, произнес:

— Я, нотариус Юлиус Кроненбах, обязуюсь отвечать на вопросы нобле Жозефины де Крисси честно и в полной мере, доступной мне. Также я обязуюсь не разглашать ничего, что узнаю от нее по поводу ее дел и дел ее семьи. Слово сказано. — Он убрал руку с кристалла и пододвинул его девушке. — Полагаю, вы знаете, что это за вещь.

Жозефина знала. Договор, заключенный на кристалле клятв, нельзя было обойти или извратить; преступившего клятву ждала сначала неизлечимая мучительная болезнь, медленно выедающая в теле жизненную силу, а после — не менее мучительная смерть. Отменить наказание мог принявший клятву, вернув ее на том же кристалле, на котором ее приносили, но такие случаи были еще более редки, чем попытка нару-

шить обещание; по легендам, за его исполнением присматривали сами Боги.

Она в свою очередь положила руку на кристалл и произнесла:

— Я, noble Жозефина де Кресси, обязуюсь не требовать от нотариуса Юлиуса Кроненбаха ничего сверх его возможностей, ничего прямо приносящего ему вред, ничего, что выходит за границы нашей договоренности. Я обязуюсь не разглашать его роль в получении мною предоставленных сведений. Слово сказано.

Кроненбах убрал кристалл и снова воззрился на Жозефину. Она медленно пододвинула ему раскрытую карту.

— Вы можете сказать, что за место изображено здесь?

Встав с некоторой натугой, нотариус подошел к одному из шкафов, извлек оттуда длинный, в половину его немалого роста, тубус, а оттуда достал карту королевства. Она легла на стол, скульптурно вылепленные пальцы хозяина наложили сверху карту-Врата, а вернее, карту-Окно, и повели ее вдоль западных границ, понемногу сдвигаясь вглубь; наконец они остановились.

— Масштаб вашей карты несколько больше, но это несомненно здесь, — палец уперся в значок замка с витиеватой подписью, — бывшие владения замка Карн. Также здесь изображены земли, пожалованные короной вашему отцу, которые теперь принадлежат вам по праву наследства.

— Можете показать, где именно?

Плавным жестом Кроненбах очертил некую область.

— Примерно здесь. Чтобы узнать точно, обратитесь в Отдел землеизмерения, это в Географической канцелярии.

— Можете ли вы сказать, графема входа находится на этих землях?

— Полагаю, да.

— И что за замок там стоит?

— Это Карн, родовое гнездо графов Альдскоу, — без запинки, будто читая с листа, отозвался мужчина. — Альдскоу — род древний, но попавший в опалу задолго до Смены Ферзей. Глава рода был казнен через отсечение головы по обвинению в государственной измене, но есть основания полагать, что действительным основанием для казни явились его занятия Призывом, сиречь сношением с Домами Корней, а это было запрещено сразу же при восхождении Трейров на престол. Это подтверждается еще и тем, что земли Альдскоу вместе с замком не конфисковали целиком, как предписывает закон,

а просто забрали большую часть в государственную собственность. Часть из этих земель, собственно, и была пожалована Себастьяну Штерну.

Часть мозаики наконец-то начала складываться. Жозефина продолжила выстраивать канву:

— Как у рода Альдскоу обстоят дела с магией?

— До Смены Ферзей они держали школу боевых магов — одну из лучших, надо сказать, — но новая династия лишила их и этого.

— Что можно сказать про Альдскоу сейчас?

— Хм... Мать рода — графиня, из замка никуда не выезжает. Молодой граф находится с ней, молодая графиня же время от времени приезжает сюда, в Альвэнду, на балы и за покупками. Деньги держат в Красном банке Румеля.

— И как далеко до Карна?

Кроненбах бросил взгляд на карту.

— В карете или верхом?

— Верхом. — Карета не так быстра и маневренна, а значит, более уязвима. Да, дорога опасна, но не посетить место, в котором наверняка есть ответы — пусть даже только на часть вопросов, — Жозефина не могла.

— Три дня, — и сказал, упреждая следующий вопрос: — До места, обозначенного руной входа, — один день.

— У меня будет к вам просьба на будущее, — медленно произнесла Жозефина, — я хочу знать, как часто и где именно бывает молодая графиня Альдскоу.

— О, это несложно устроить. Завтра я пришлю вам письмо с нарочным.

— Прекрасно. — Юная де Крисси забрала карту-Окно, положила в поясную сумку (ближе к телу — оно надежнее) и задумалась, собирая воедино только что услышанное и увиденное. Кроненбах свернул свою карту и убрал ее обратно в тубус. Скрип кожаной крышки вытряхнул Жозефину обратно в мир людей.

— Подскажите... если, разумеется, вы можете это сказать, не нарушая данного слова, — подскажите, кто и когда именно принес вам этот сверток?

— Да, я могу это сказать, — кивнул нотариус. — Через год после смерти вашего отца посылку доставил некто, выполнявший, по его собственным словам, долг чести, и дал мне указание отдать ее наследнику семьи де Крисси. Ваша мать пыталась ее получить, но она была действующей главой рода, а не наследницей, поэтому, согласно полученным указаниям, я не мог

отдать ей посылку. Кроме того, если бы наследник не явился в три дня, то, согласно тем же указаниям, я должен был уничтожить сверток, не вскрывая. Кстати, — он посмотрел прямо в глаза Жозефине, и взгляд его был пронзительным, — вы не думали, почему ваши брат и сестра не приехали после известия о смерти матери?

После короткого раздумья она дала ответ:

— Сестра, насколько мне известно, уже помолвлена и живет в семье жениха на Юге, а брат обучается в Королевской академии магов. Насколько я понимаю, уйти оттуда куда сложнее, чем из храма.

— Верно, — кивнул нотариус, не отрывая взгляда. — Королевскую академию магов покинуть сложно, а вашему брату — невозможно: во всяком случае до конца обучения. Вы знали, что он обладает Даром Всадника?

— Нет, никогда.

Вот это было действительно неожиданно. Легендарный Дар Всадника, один из редчайших, состоял в том, что обладающий им может оседлать магическое существо и овладеть его волей. Старая династия, правившая до Смены Ферзей, вся состояла из Всадников, и в том числе поэтому была безжалостно перебита до последнего человека. О Всадниках слагали легенды, они были героями и им подчинялись огромные силы. Кроме того, Всадники обладали не только чудесным Даром, но и определенным складом личности — умные и проницательные, благородные, бесстрашные, независимые, сильные и упорные; каждый из них был очень штучной работой — и оттого становился еще более опасным и для врагов, и для правителей.

— Так вот, как Всадник он находится под строжайшим контролем короны и не выйдет из стен Академии, пока не сдаст самый главный экзамен — на полную и абсолютную лояльность королю. Вообще-то считается, что все наследники крови по вашей линии обладают этим Даром, но у вас был выявлен только Дар Целителя и посему вам не угрожают застенки... кхм, магической школы, да и ваш пол тоже служит в некотором роде защитой — мальчики, знаете ли, гораздо больше склонны к экспансии, риску и прочим необдуманным поступкам. Вашу мать же, с ее намного более сильным Даром, да еще и принадлежащую к старинному роду, порождающему Всадников, во многом спас ваш отец — жену Первого алхимика не осмелился тронуть и сам король.

Это все определенно стоило двадцати монет. Жозефина услышала ответов гораздо больше, чем было задано вопросов,

и теперь в клубке загадок появилось-таки несколько ниточек, за которые можно было попытаться вытянуть отгадку. Но расслабляться было нельзя.

— Итак, завтра я жду от вас письмо со сведениями о приездах молодой графини Альдскоу и точные данные о западных землях моего отца.

— Да, госпожа де Крисси. Позвольте поинтересоваться, вы приехали одна?

— Нет, — качнула головой девушка, — с мальчиком-слугой.

— Тогда позвольте бесплатный совет. Помимо того что наличие охраны у молодой девушки — требование скорее статуса, чем чего-то иного, для вас это — вопрос личной безопасности. Недалеко есть Гильдия наемников, где вы можете нанять себе домашнюю или выездную стражу на свой вкус и кошелек, — и пододвинул по столу новомодную представительскую грамоту — кусочек светлой кожи размером с пол-ладони с выжженной на ней надписью: «Гильдия наемников в Альвэнде, Серебряный променад, Речное кольцо». Ниже был герб — голова оскалившегося зверя в ошейнике из монет и девиз: «Верность дороже золота».

Изучив грамоту, Жозефина тихо усмехнулась себе под нос: Кроненбаху явно причитался процент с тех, кто пришел в Гильдию по его наущению; впрочем, если ее бойцы действительно так хороши, как о них говорят, то какая разница...

— Я отряжу Гуго, моего охранника, сопроводить вас — его я тоже нанял именно там.

— Пусть так и будет, — ответила девушка, поднимаясь.

— Вы найдете его у входа. — Они слегка поклонились друг другу, и Жозефина вышла из кабинета.

Рядом с прилавком действительно стоял высокий молодой мужчина в неброской темной одежде с вышитым гербом Гильдии наемников на левой стороне груди и на правом плече. На поясе он носил два длинных боевых ножа, а уж что еще было спрятано в одежде — этого Жозефина понять не могла: все же боец есть боец.

— Госпожа де Крисси. — Гуго поклонился и распахнул перед ней дверь.

Развалившись в седле задом наперед, Жан смачно хрустел неизвестно откуда добытым яблоком; при виде госпожи он моментально скатился наземь и принялся споро отвязывать лошадей.

— Здесь совсем недалеко, быстрее будет дойти пешком, чем заказывать верхового коня, — произнес наемник мягким прият-

ным голосом. — Я поведу вашу лошадь в поводу, так будет удобнее.

Девушка кивнула, Гуго придержал ей стремя, галантно взял белую под уздцы — пользуясь моментом, Жозефина пристроила сверток перед собой на луку седла, — и тройца, пройдя пару домов, свернула направо, на Серебряный променад. Это была неширокая тихая улица, полная недешевых лавок.

— Вот там торгуют парфюмерией, если госпожа желает найти духи или румяна, — повествовал Гуго. — По левую руку стоит лавка, где покупают оружие все богатые мальчишки города, которые не имеют вкуса и понятия о добром клинке, но зато питают слабость к блестящим цацкам. Через три дома от нее находится лавка, где оружие впятеро дешевле берут те, кто знает, каким оно должно быть. Дальше есть лавка со всякими диковинками вроде раковин и курительных трубок островных дикарей, а нам в самый конец, где флюгер в ви...

Раздался щелчок, и Гуго, осекшись на полуслове, завалился под ноги белой кобыле. Та всхрапнула, Жозефина немедленно бросила взгляд вдоль улицы — там стоял некто весьма подозрительного вида, в удобной одежде, укрытый по пояс пелериной. В руках его был арбалет, чей спусковой крючок и щелкнул мгновением ранее; но, что было еще более неприятно, на его теле светились под внутренним взором заряженные талисманы.

Сзади дело обстояло не лучше: туда вышел «близнец» заступившего дорогу впереди. Думать времени не было.

— Разворачивай коня! — Девушка вскинула свою кобылу на дыбы, заставляя повернуться кругом, но кобыла Жана, который не был так ловок в седле, только неловко попятилась. Тот разбойник, что был сзади, мгновенно стащил его с седла и приставил к горлу длинный узкий кинжал. В глазах мальчишки заплескался ужас пополам с твердым решением умереть, но ничем не выдать и не подвести госпожу. Одновременно от арбалетчика повеяло магией, и на собравшуюся компанию опустился Круг Тишины; пропали все уличные звуки, остались только голоса тех, кого накрывало заклинание.

— Отпусти мальчика! — голосом, который одобрила бы сама Дана Воительница, приказала Жозефина. — Он ни в чем не виноват.

— Дай нам карту, — произнес голос справа сзади, — и мальчик будет жить.

Жозефина развернулась вместе с лошадей к говорящему, оставшись к нему левым боком. У стены дома стоял мужчина, выглядящий вполне прилично, не чета уличным бандитам. Его

излучение было ровным и не пятнало силуэт, а шло из середины его существа. Маг. И без того нерадостный расклад стал почти безнадежным. Матушка бы разметала троих разбойников по всей улице одним движением пальца или вовсе без оно-го, но Жозефине было отмерено куда меньше Силы.

— Какую карту?

— Ту, что ты получила от нотариуса. Я ее чувствую, она у тебя. А я отдам тебе кинжал, — в его правой руке появился недлинный кинжал странного матово-серого цвета. — Честный обмен.

— А если нет? — поинтересовалась девушка, пытаясь выиграть драгоценное время на размышление.

— Тогда мы начнем с мальчика. Поторопись, иначе это случится куда быстрее, чтобы тебе лучше думалось.

Бросив еще один взгляд на Жана, замершего в руках разбойника, девушка спешила, прикрываясь конем. Она должна была защитить мальчика, но и карту-Окно отдавать не следовало — она ощущала это так же явно и четко, как видела его перед собой. Поэтому она решила пойти на хитрость, попытавшись выиграть и карту, и жизнь.

Жозефина обошла лошадь медленно и несколько неловко — как и следовало обескураженной девице-нобле; но разум ее работал четко, да и пальцы, уже нащупавшие карту-Окно в поясной сумке и накладывающие на нее плетение обыкновенного огонька — очень аккуратно, не торопясь, чтобы маг не почувствовал его. Вряд ли он был сильнее ее самой, но идея и так была слишком рискованной, чтобы добавлять еще риска.

Вот она подошла к магу, и он, улыбаясь, протянул ей руки — чтобы передать кинжал и взять карту; не касаясь кинжала, Жозефина, все так же медля, протянула ему пергамент и в тот самый момент, когда его коснулись пальцы мага, она влила в плетение Силу.

Вспыхнувшее пламя стекло вниз, на руку мага, он выругался и инстинктивно выпустил пылающий пергамент, а второй рукой с зажатым в ней кинжалом отбросил девушку прочь от себя. Магическая Сила, вложенная в удар, оторвала ее от земли, справа тренькнула тетива, слева мелькнул нож, и только подошвы сапог застучали по дубовым плахам Серебряного променада.

Заклинание пронесло Жозефину полтора десятка шагов и, изрядно приложив о стену лавки, вынесло ее из Круга Тишины. Уже в полете она видела, как сорвавшийся с тетивы болт

вонзилась в плечо белой кобылы по самые перья и как ударила алая струя из рассеченной жилы на горле Жана.

Крик застрял в глотке. Девушка создала Щит и попыталась метнуть его в убийцу мальчика, но бесполезно: выпуклая линза только напиталась Силой, но не сдвинулась ни на волос; а вот маг, резко взмахнув рукой, хлестнул по мечущейся от боли и страха белой кобыле огненным шлейфом — и попал, превратив прекрасного зверя в обугленный труп. Но даже в смерти красавица-лошадь послужила своей хозяйке: тело упало прямо туда, куда несколькими мгновениями ранее маг уронил карту, и теперь он, поминая Ирокара, пытался сдвинуть творение своих рук, чтобы завладеть почему-то очень важным для него пергаментом.

Жозефина наконец смогла набрать воздуха, чтобы закричать. Рядом Гильдия наемников как-никак, да и стража должна ходить, они смогут задержать убийц.

Если только это отчего-то не выйдет у той, которая сейчас этого жаждала больше кого бы то ни было.

— Убиваю-у-ут! — звонкий голос разнесся по улице, но еще прежде, чем его услышали находившиеся шестью домами ниже по улице наемники, Жозефина оттолкнулась от земли и стремительно полетела к магу.

Перепрыгнув тело Гуго, девушка с разлету врезалась в мага — не руками и не локтями, а плечом, вкладывая в одну точку, достаточно крепкую, чтобы это вынести, весь свой вес, изрядно увеличенный набранной скоростью; подпитанный Щит только добавил убедительности толчку: мага сшибло с ног и швырнуло оземь. Сверху, словно стальнокрылая богиня мщения, спикировала Жозефина, мгновенно заломив ему руку так, что тело само, спасаясь от боли в выдранным из сустава плече, перевернулось лицом вниз.

— Стой. Стража! Никакой магии, оружие на землю! — С улицы, где была контора нотариуса, выбежали четверо стражников, а с другой стороны подбежал десяток крепких бойцов с гербом Гильдии наемников. Две силы, недолюбливающие друг друга по вполне понятным причинам — «эти неумехи в железе! — эти продажные псы!» — коротко обменялись любезностями, то есть парой презрительных взглядов и задиристых оскалов, и сосредоточили внимание на месте короткой схватки.

— Вербку! — приказала Жозефина тоном, душастим в зародыше всякую мысль о возражении или неповиновении; один из наемников подошел, разматывая тонкий прочный шнур, и занялся преступным магом. Убедившись, что руки мага связаны,

девушка, не обращая внимания на столпотворение, подошла к Жаңу и склонилась над ним. Мальчик был мертв, он лежал в лениво расплзающемся кровавом ореоле и удивленно глядел в небо.

— Прости меня, если можешь... — прошептала Жозефина, поцеловала его в лоб и нежным прикосновением пальцев закрыла ему голубые, как небо, навсегда остановившиеся глаза. Не уберегла...

— Что здесь произошло? — отмер один из стражников.

— Что здесь произошло? — повторила Жозефина, уже склонившаяся над Гуго. Он тоже был мертв — арбалетный болт, пущенный в упор, пробил его почти насквозь, пройдя через сердце. Она закрыла и его глаза, поднялась, разворачиваясь, как пружина или как атакующая змея, и заговорила дальше так, что, увидь ее домочадцы или Мать Севора, они бы не узнали в ней ни свою ласковую госпожу, ни скромную воспитанницу. Она чеканила каждое слово, и во взгляде ее была покрытая инеем отточенная сталь.

— Здесь, на благополучной улице благополучного Приречья, убили мою лошадь, моего человека и пытались убить меня. Воины, призванные защищать город, явились, только когда двое преступников уже сбежали, а с третьим справилась я сама. По торговой улице кольца ноблей, добрых ремесленников и купцов бродят разбойники и убийцы, и уж не тем, кто не сумел их вовремя заметить, задавать вопросы мне! — Она обернулась к наемникам, напряженно слушавшим отповедь, и каждое ее слово было им как гвоздь в крышку гроба. — Меня сопровождал Гуго, боец Гильдии наемников; он погиб первым, не успев сделать ничего, даже заметить опасность. Прочие члены Гильдии тоже не заметили смертоубийства, творящегося прямо на их улице, в сотне шагов от входа в Гильдию, — и, чуть повернувшись, опустила взгляд так, чтобы видеть сразу оба фланга. — Очевидно, добрые жители города могут рассчитывать только на себя, когда речь идет об их безопасности на улицах столицы.

Стражники и наемники совокупно молчали как примороженные. Отповедь, в которую Жозефина, урожденная нобле, вложила все свое горе и всю ярость, да еще с потоком Силы, неслышным эхом металась над улицей, продолжая разить разум смыслом отзвучавших слов. Наконец один из слуг порядка проговорил:

— Г-госпожа, необходимо провести расследование... О нет, конечно, вам не придется никуда являться, завтра вас посетит служащий Розыскной канцелярии...

Ответом ему был ледяной прищур.

— Безглазые порождения Ирокара, что здесь стряслось?! — раздалось из-за спин стражников, и Жозефина ощутила присутствие человека, равного себе.

Он прошел сквозь жидкий строй стражников и оказался в круге, центром которого была noble де Крисси, и встал, глядя на нее. От него веяло Силой, а нашитые на его плечах шевроны внятно говорили, что это государственный маг — так привыкли называть тех магов, которые подчинялись Канцелярии спокойствия и занимались происшествиями и преступлениями с использованием магии. Взгляд Жозефины мгновенно отметил в нем зеленоватые глаза, скуластое, уверенной лепки лицо и шрам, спускающийся от уголка левого глаза на шею и дальше, под воротник.

— Убийство моего человека, попытка ограбления и покушение на убийство меня самой, — известила она новоприбывшего. Этот маг был тем, с кем можно играть на одном поле по одним правилам — она знала это так же, как и то, что лицо собеседника отмечено шрамом, а Жан погиб страшно и безвозвратно. И зазря.

— Да уж, вижу, — пробормотал маг, взмахом руки стирая кровь с уличной вымостки. Сочувственно поглядел на мальчика, ощутимо равнодушнее — на Гуго и очень пристально — на связанного мага. Подойдя к нему и заглянув в лицо, он воскликнул в голос:

— Грег?! Но это не может быть Грег... — и мотнул головой, будто стряхивая наваждение. По его знаку стражники подхватили пленного — наемник, державший его, специально для них состряпал крайне самодовольную ухмылку. Маг же принялся распоряжаться уборкой улицы. Едва сожженное тело лошади приподняли, готовясь закинуть его в телегу, Жозефина мгновенным ловким движением схватила лежавшую на мостовой карту.

— Что там? — Маг подошел к ней с явным намерением посмотреть, но Жозефина только покачала головой, пряча карту и снимая с седла совершенно не тронутый пламенем сверток Кроненбаха.

— Это мое. К слову, завтра обещали прислать розыскника. Полагаю, им будете именно вы?

ГЛОССАРИЙ

Алхимия — не имеет ничего общего с привычной нам алхимией как «магической химией», кроме названия. Общественное мнение магов считает ее «недомагией». Была поднята не небывалую высоту Себастьяном Штерном. Отличительная особенность — существует алхимический «механизм», производящий талисманы, т. е. сам алхимик в этом процессе не участвует, создание же магических талисманов — долгий и кропотливый труд, требующий полного внимания и сил мага.

Альвэнда — столица Чаши. Была назначена таковой из-за своего расположения (почти географический центр материка), благодаря которому через нее проходит множество торговых путей.

Болотные княжества — целая россыпь небольших княжеств, располагающихся в Восточных болотах. Границы и основные транспортные пути пролегают по протокам. Были признаны коронной совсем недавно, в основном потому, что исполняют роль буферной зоны с Подземьем (см.).

Врата — более привычным термином является «телепорт» или «портал». Магический способ мгновенного перемещения в пространстве.

Государственный маг — полуофициальный термин, обозначает служащего в подчиненной напрямую короне Канцелярии спокойствия (полиции) мага-оперативника, работающего в городе по охране порядка. В его юрисдикцию входят, что логично, преступления с использованием магии. Часто совмещает оперативную работу со следовательской.

Дана — сущность родом с Ветвей, как мы бы могли сказать, Светлая богиня. Покровительница природы и животных, а по большому счету — «природы для человека» и плодородия вообще. Архетип Всеобщей Матери. Имеет малоизвестную ипостась Воительницы; противоречия с защитой и плодородием никакого нет,

т.к. сотворенное и рожденное необходимо защитить в случае опасности.

Дар Всадника — Дар, приносящий обладателю способность общаться с Небесными Зверями и использовать их в качестве ездовых и боевых зверей. В древности передавался в некоторых родах из поколения в поколение (например, в роду Серебряных Пиков), в нынешнее время вследствие проклятия Первых почти угас.

Древо — система мироустройства Чаши. Считается, что мир людей расположен вокруг Ствола; на Ветвях располагается мир, как бы сказали мы, мир Светлых сущностей (добрых богов и духов и т. д.); в Корнях соответственно мир сущностей Темных (демоны, черти, бесы и т. д.). Всего существует четыре Ветви и пять Корней (соответственно Верхних и Нижних Домов), каждый из которых характеризуется уровнем Силы обитающих там сущностей, их разновидностью и т. п.

Ильдеан — древняя династия королей, также называемая Золотыми Пиками. Восходит к Первым (также называемым эльфами). Была прервана во время Смены Ферзей (см.).

Ирокар — довольно крупная божественная сущность с Корней (см. Древо), ему приписывается обладание всеми знаниями мира вкупе с беспредельной скупостью, по причине которой он отказывается делиться даже малой крупицей своих знаний.

Ищейка, или Загонщик — сущность с Корней, относящаяся к трансморфам — существам, умеющим менять свою форму. Может принимать облик существа, близкого ему по массе (предпочитают людской облик), вплоть до мельчайших деталей, включая одежду. Согласно названию, призывается для того, чтобы разыскать что-то или кого-то, в некоторых случаях — разыскать и убить. Происходит с Третьего Корня, очень опасен.

Кастириус — ближайший к столице город на западе страны, находится под рукой короны, управляется протектором, назначаемым королем раз в семь лет.

Морской маг — особый подвид магов, водящийся исключительно на Севере. Морской маг способен управлять и Водой, и Воздухом, и, что самое важное, ими обоими в комплексе, что делает его практически непобедимым на море и побережье. Впрочем, полагать, что этим его способности ограничиваются и на суше он ничего не может противопоставить, крайне ошибочно.

Небесный Всадник — обладающий Даром Всадника (см.) человек, получивший своего Небесного Зверя.

Ноблэ — мы бы сказали «дворянин», а точнее, «член древнего дворянского рода». Мелких ноблэ, получивших это звание при

Трейрах и не имеющих ничего, кроме собственно титула, презрительно называют «нобелёнками».

Первые — собственно первые обитатели Чаши, древний народ нечеловеческих существ, также называемый эльфами. Первые приводили сюда людей и принимали добравшихся самостоятельно. Люди были их помощниками и слугами. От Первых же происходят жители нынешнего Подземья (*см.*). Первые были искусны и в магии, и в воинском искусстве, от них происходят некоторые старейшие роды, преимущественно северные. Физическим признаком крови Первых считаются слегка заостренные уши. Покинули Чашу около двух тысяч лет назад, оставив по себе кое-какие артефакты, сооружения и множество легенд и слухов и унеся с собой почти все свои секреты.

Плетение — матрица заклинания, определенная комбинация линий Силы, которая влияет на мир посредством воздействия через его нематериальную часть, то есть — магически. Может создаваться с помощью как академического (векторы, точки напряжения, вибрации гармоник...), так и интуитивного подхода (я хочу, чтоб стало вот так!).

Поголье — разбойничье селение близ Кастириуса (*см.*). Сами обитатели называют себя «ловкими» или «вольными» людьми.

Подземье — страна нелюдей, располагающаяся под непроходимыми горами на Востоке Чаши. Представляет из себя сеть естественных и не очень пещер, куда порядка тысячи лет назад люди вытеснили прочих гуманоидов, потомков Первых (*см.*). Регулярно цапаются с Болотными княжествами (*см.*), в основном больше от скуки, чем со злости.

Полиграмма — магическая или алхимическая фигура, служащая различным целям: от призыва и/или удержания сущностей, призванных, как правило, с Корней, до открытия Врат, создания защитного купола и т. д. В отличие от привычной нам пентаграммы может иметь от трех углов либо форму круга и быть не одной фигурой, а состоять из нескольких. В случае создания комплекса из нескольких фигур полиграмма все так же считается единой и целостной.

Сила — нематериальная, но неразрывно связанная с материальным миром энергия, связывающая материю воедино и позволяющая ей функционировать. Сила есть у каждого человека, но в разном количестве. Магический Дар неизменно несет с собой больший, чем у обычного человека, запас Силы (резерв); он тоже неодинаков, но в таких случаях он всегда больше, чем необходимо телу для существования, и потому излишком можно оперировать,

придавая ему форму посредством плетений (см.). Имеющие академическое образование маги чаще называют Силу «энергией».

Смена Ферзей — смута, произошедшая за двадцать лет до момента начала повествования. Род купцов Трейр воспользовался смертью юного короля из правящей династии Ильдеан и, подкупив магов и собрав войско, устроил переворот и сел на трон.

Узор Потоков — визуальное отображение пронизывающих тело «сосудов», по которым течет Сила, обеспечивая его жизнь. Его могут видеть целители и гораздо более смутно — маги без целительской специализации. Тесно связан с физическим состоянием: если ранено тело, соответствующее место Узора будет искажено, если же магическим ударом повредить Узор, тело ощутит повреждение, даже если видимой травмы нет.

Ушаны — служебная раса, созданная Первыми (см.) в качестве помощников в упорядочивании и хранении знаний. По желанию создателей обладают абсолютной памятью и дружелюбием; по велению тех же создателей, ушанам запрещено убивать и вообще приносить вред любому существу. От людей отличаются меньшим ростом (до 150 см), непривычными чертами лица и очень крупными, с ладонь, слегка оттопыренными заостренными ушами. Как рассказывают сами ушаны, их создатели дали им такие уши, чтобы, во-первых, было видно, кто прародитель, а во-вторых, было удобно вешать идентификационные бирки.

Хищное море — море, омывающее Северный берег Чаши. Сохранило свое название еще с тех времен, когда материк населяли эльфы и то самое море кишело множеством чудовищ. Отдельные их экземпляры встречаются и по сей день, но редко и в руки в основном не даются.

Эмпат — человек (или нечеловек), способный ощущать чувства и эмоции других существ. Эмпатия — очень редкий Дар, эмпатов обычно ставят на государственный учет, как и обладающих достаточной Силой магов, с самого рождения или сразу по выявлении Дара.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. НАСЛЕДНИЦА	7
Часть вторая. КРЫЛЬЯ	228
<i>Глоссарий</i>	438